

К вопросу национального самосознания А.С. Макаренко

In: Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 30 N°1-2. Janvier-Juin 1989. pp. 137-158.

Citer ce document / Cite this document :

Hillig Götz. К вопросу национального самосознания А.С. Макаренко. In: Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 30 N°1-2. Janvier-Juin 1989. pp. 137-158.

doi : 10.3406/cmr.1989.2180

http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/cmr_0008-0160_1989_num_30_1_2180

Résumé

Götz Hillig, À propos de la question de l'identité nationale de A.S. Makarenko.

Cet article examine une question qui a peu retenu l'attention des chercheurs : le pédagogue et écrivain A.S. Makarenko se considérait-il comme un Ukrainien ou comme un Russe ? Outre les sources publiées, l'auteur a pu consulter des documents des archives soviétiques et recueillir des témoignages. Bien que Makarenko ait passé la plus grande partie de son existence en Ukraine, il s'est toujours senti russe et éprouvait une attirance spirituelle envers Moscou. On peut même observer une certaine attitude anti-ukrainienne prédominant dans la maison de ses parents. Makarenko écrivit ses textes pédagogiques et littéraires, ainsi que sa correspondance en russe. C'est également dans cette langue qu'il prononça ses discours et ses conférences.

Pendant la période de l'ukrainisation obligatoire dans tous les secteurs de la vie publique dans la RSS d'Ukraine, Makarenko se déclara ukrainien sur un formulaire en 1924. Il le fit manifestement pour ne pas perdre son poste de directeur de la Colonie Gor'kij, un établissement d'éducation qui dépendait directement du gouvernement ukrainien. Il s'en tint par la suite à cette décision.

L'article examine aussi jusqu'à quel point Makarenko maîtrisait l'ukrainien qu'il avait dû apprendre au plus tard dans les années 20, et dans quelle mesure les ukrainismes figurant dans ses œuvres littéraires avaient été employés intentionnellement ou s'étaient imposés tout bonnement sous l'effet de l'environnement local.

Abstract

Götz Hillig, Regarding the problem of A.S. Makarenko's national identity.

This article will examine the question, which has received little attention from researchers, of whether the pedagogue and writer A.S. Makarenko understood himself to be a Ukrainian, or a Russian. In addition to published sources, the author was able to draw on materials from Soviet archives, as well as statements from witnesses.

In spite of the fact that Makarenko spent most of this life in the Ukraine, he always understood himself to be a Russian and was spiritually oriented toward Moscow. One can even note a certain anti-Ukrainian attitude which was prevalent in the home of his parents. Makarenko wrote his pedagogical and literary texts, as well as his letters, in Russian. He also gave his speeches and lectures in this language.

During the time of forced Ukrainisation in all areas of public life in the Ukrainian SSR, Makarenko identified himself on a personal data form, in 1924, as a Ukrainian. Obviously he did this to avoid losing his position as Director of the Gor'kij-Colony, an educational institution which was placed directly under the Ukrainian Government. He adhered to this decision from then on.

This article will also pursue the questions of how extensively Makarenko mastered the Ukrainian language, which he had to learn at the latest in the 1920's; and to what extent, in his literary works, he used Ukrainisms with conscious intention, or to what extent these Ukrainisms merely "flowed in" from the local environment.

ГЕТЦ ХИЛЛИГ

К ВОПРОСУ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ А. С. МАКАРЕНКО

« Национальность : украинец »,
« Родной язык : русский »,
« Какими языками (иностранными и народов СССР)
свободно владеете : русским и украинским ».

Эти данные содержатся в последнем автобиографическом документе Макаренко — напечатанной на русском языке и заполненной им также по-русски анкете в связи с решением вступить в Коммунистическую партию (это было в Москве 15 февраля 1939 г.)¹.

Свидетельство о национальности — украинец — было внесено также и в протокол заседания партийного комитета Союза советских писателей от 16 марта 1939 г., на котором было рассмотрено заявление Макаренко². Можно также предполагать, что по паспорту, который до сих пор не упоминался в литературе, он также был украинец.

Подобные свидетельства Макаренко давал еще пятнадцать лет назад на Украине, а именно в анкете на украинском языке для «сотрудников дет-учреждений соцвоса», т.е. главного комитета соцвоса Наркомпроса УССР, его тогдашнего начальства. Также и здесь в графе « национальность » Макаренко написал (в сентябре 1924 года, на этот раз по-украински) — « украинец » ; в ответе на вопрос « Какими языками владеете и на каких языках можете преподавать ? » он указал русский и украинский³ (вопрос о родном языке здесь отдельно не ставился).

Однако всего лишь два года назад (в сентябре 1922 года) — в том же самом месте и в этой же должности, т.е. будучи заведующим колонией им. Горького под Полтавой — в русскоязычной анкете Наркомпроса для «сотрудников учреждений для дефективных детей Харьковской области» Макаренко в графе « национальность » написал : « русский »⁴ (вопрос о владении языками здесь не задавался). И это как раз соответствует свидетельству его брата Виталия, который подтвердил в одном из писем в адрес марбургской Лаборатории А. С. Макаренко : « несмотря на свое украинское происхождение Антон был 100 % русским. »⁵

Как известно, свои педагогические и литературные тексты Макаренко писал по-русски, на этом языке он также читал свои речи и доклады ; свою переписку он вел тоже по-русски. Но все же существует несколько служебных документов, написанных рукой Макаренко на украинском языке. Со-

хранились также и украинскоязычные протоколы выступлений Макаренко на заседаниях центральных и местных органов в Харькове (как, например, окружной комиссии помощи детям⁶) и внутренних учреждений коммуны им. Дзержинского (таких, как педагогический совет⁷). Отдельные его педагогические и литературные работы были опубликованы на украинском языке. Все эти материалы относятся, между прочим, к определенному периоду – 1924-1932 г.г.

Что тогда на Украине побудило или даже заставило Макаренко сочинять или публиковать свою «продукцию» частично на украинском языке и, кроме того, даже поменять в определенном смысле свою национальность?

В какой степени Макаренко владел украинским языком? В какой мере он использовал украинизмы в своих литературных произведениях сознательно, и в какой степени они обусловлены в них лишь средой?

Насколько прочны были связи Макаренко со своей украинской родиной, где он, как известно, прожил почти всю свою жизнь? Что, с другой стороны, тянуло его в Россию, прежде всего в Москву, куда он регулярно ездил и куда в конце концов переехал?

И, наконец: наложили ли свой отпечаток на творчество Макаренко специфические влияния среды (Украины) и духовная направленность (Россия)?

На эти вопросы я хочу попытаться ответить в моем докладе. Я буду опираться на опубликованные, а также неопубликованные источники, в том числе и на записки и опросы свидетелей. Часть соответствующих источников предоставил для исследования Либор Пеха, который в своем напечатанном в 1985 г. труде *Биографические факторы в становлении творческой личности педагога (на основании анализа личности А. С. Макаренко)* также впервые поставил вопрос о национальном самосознании Макаренко⁸.

Советское макаренковедение до сих пор не занималось этой проблемой – не считая частного вопроса, касающегося целенаправленного использования украинизмов в *Педагогической поэме*; частично на рассмотрение ее было наложено табу, о чем свидетельствует тот факт, что соответствующие источники не были опубликованы или, по крайней мере, были оставлены без внимания.

А теперь перейдем к фактам.

1

Макаренко вырос в семье, в которой говорили по-русски. «Отец родился в Харькове, а в Харькове говорили на самом красивом русском языке», а родные матери «были выходцы из Орловской губернии», то есть из России, пишет В. С. Макаренко⁹. В соответствии с этим ударение с третьего слога (украинской) фамилии Макаренко переместилось на второй¹⁰.

Литература, которую читал молодой А. С. Макаренко и которая сформировала его, была, как достоверно свидетельствует его брат¹¹, исключительно русскоязычной: книги, журналы и альманахи, т.е. произведения русских авторов (прежде всего писателей, а также историков и философов) или переводы соответствующих произведений с европейских иностранных языков. Бесспорными кумирами Макаренко в литературе были, как известно, два современных ему русских писателя – Чехов и Горький. Русский язык и

литература были его основной педагогической специальностью, и, как пишет в своих воспоминаниях директор Полтавского учительского института А. К. Волнин, он « искусно владел гибкой истройной фразой на чисто русском литературном языке », « что особенно поражало в украинце »¹².

Это, конечно, не мешало А. С. Макаренко понимать также и украинский язык, на котором преимущественно говорило деревенское население. В ответ на наш вопрос В. С. Макаренко сообщил : « У нас дома, если и произносилось украинское слово, то случайно, в шутку : иногда 'хата', иногда 'батько' вместо отец. »¹³

2

Февральская революция способствовала также и на Украине подъему национального движения. На всеукраинских и местных учительских конференциях с апреля 1917 г. выдвигались требования безотлагательной украинизации общеобразовательных школ и учреждений по подготовке учителей, а также организации курсов по изучению украинского языка для учителей. Так, съезд учителей Полтавской губернии в конце мая 1917 г. принял резолюцию о введении в начальных народных школах с 1917/18 уч. г. преподавания на украинском языке. Съезд постановил также украинизировать Полтавский учительский институт, с 1917/18 уч. г. в нем следовало « начать обучение на украинском языке по возможности полно ». Мнение директора института Волнина, просившего « принять во внимание меньшинство слушателей института, не считающего себя подготовленным к слушанию лекций по всем предметам на украинском языке », в резолюции не было учтено¹⁴. Как следствие этих мероприятий Волнина уволили, а директором учительского института был назначен украинец А. А. Левитский¹⁵.

Макаренко, поступив в Полтавский учительский институт, дал подписку в том, что он обязуется « прослужить по окончании курса за казенную стипендию не менее шести лет в должности учителя городского училища по назначению учебного начальства »¹⁶. 9 сентября 1917 г. Макаренко подал прошение о назначении его « на штатную должность преподавателя » или « на должность заместителя преподавателя » в образцовом при институте городском училище, где он, будучи еще « воспитанником » последнего класса, вел уроки за мобилизованных преподавателей¹⁷. Украинский макаренковед Н. П. Нежинский, который опубликовал факсимиле этого документа, в своем авторском тексте не цитирует, а тем более не интерпретирует второй абзац прошения, в котором Макаренко — очевидно, чтобы повысить свои шансы на получение должности в новой национальной ситуации — пишет :

« Подавая настоящее прошение, я имею в виду украинизацию института, вследствие чего считаю необходимым заявить, что все предметы курса образцового училища я могу преподавать на украинском языке, поскольку это представляется возможным по условиям переходного состояния украинизируемой школы. »¹⁸

Октябрьская революция не сразу привела на Украине к установлению власти большевиков – здесь буржуазной Центральной радой была провозглашена Украинская народная республика. Также и в это время шел процесс украинизации. Курсы украинского языка продолжали свою работу и в « Украинском государстве » (Українська держава), т.е. во время правления назначенного немецко-австрийскими оккупационными властями гетмана Скоропадского. Были также организованы специальные курсы для служащих железной дороги. Сохранилось свидетельство, датированное 18 августа 1918 г., об « успешном участии в курсах украинского языка и делопроизводства, а также истории Украины, которые были организованы Министерством путей сообщения под надзором инспектора курсов как представителя Министерства просвещения ». Этот документ, выписанный на имя Василия (В.С.) Поповиченко, сотрудника А. С. Макаренко в Крюкове, а затем и в колонии им. Горького под Полтавой, был подписан также и Макаренко, который был членом экзаменационной комиссии¹⁹, – вероятно потому, что он являлся руководителем училища Министерства путей сообщения. Но это вовсе не означает, что на этих курсах, организованных во время школьных каникул, Макаренко сам преподавал украинский язык, так как есть достоверное свидетельство М. С. Милютиной, что в то же самое время он преподавал крюковским рабочим русский язык²⁰.

Но все же следует подчеркнуть, что преподавание в руководимом Макаренко Высшем начальном железнодорожном училище в 1917-1919 г.г., когда часто менялись власти, велось на русском языке, а украинский язык как предмет в программу обучения не входил. Так же и руководимый Макаренко в это время в Крюкове драматический кружок им. Короленко ограничивался постановкой русскоязычных пьес (русских и иностранных авторов). Характерно, что, когда на Украине была окончательно установлена Советская власть (в конце 1919 г.), Макаренко, который в это время был директором городской школы (русской) губернского города Полтавы, работал сначала в одном из « русских » профсоюзов (он был членом губернского правления Союза учителей русских школ)²¹, а затем – очевидно, во второй половине 1920 г. – вступил в только что образовавшийся всеукраинский профсоюз работников просвещения (Робос)²².

3

В первые годы Советской власти, как говорится в Кодексе законов о народном просвещении УССР от 22 ноября 1922 г., « решительно отвергая всякую искусственную украинизацию, как и русификацию », обеспечивается « населению всех наций и национальных меньшинств, населяющих Украину, воспитание и обучение на их родном языке ». Под « нациями » подразумевались в данном случае украинцы и русские. Далее говорится :

« Языки – украинский, как язык большинства населения Украины в особенности на селе, и русский, как язык большинства в городах и общесоюзный, имеют в УССР общегосударственное значение и должны преподаваться во всех учебно-воспитательных учреждениях Украинской Социалистической Советской Республики. »²³

Это равенство украинского и русского языков летом 1923 г. было упразднено. Декретом Совнаркома « О мероприятиях по украинизации учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений » от 27 июля, а также постановлением ВУЦИК и Совнаркома « О мерах обеспечения равноправия языков и о содействии развитию украинского языка » от 1 августа предписывалось « закончить перевод учреждений социального воспитания на украинский язык в течение двух ближайших учебных лет », то есть заменить русский язык украинским, и, кроме того, « усилить украинизацию всего государственного аппарата »²⁴. Двухлетний срок, предусмотренный для перестройки учреждений соцвоса (школ, детских домов), был впоследствии сокращен постановлением ВУЦИК и коллегии Наркомпроса до одного года — она должна была быть закончена к 1 августа 1924 г.

Об этом факте Макаренко как заведующему одной из двух трудколоний Наркомпроса напомнил циркуляр от 2 августа 1924 г., подписанный председателем Главного комитета соцвоса М. Соколянским, а также главным инспектором охраны детства данного комитета М. Быковцем. Сначала в этом циркуляре речь идет о том, что « в первую очередь на украинский язык переходят учреждения, которые находятся в сельских местностях ». Затем Макаренко предлагается конкретно :

« 1. С 1/VIII вести делопроизводство колонии на украинском языке, заказы, ведомости, приказы, ордера, расчеты, педагогические дневники, характеристики и т.п., а также вести на украинском языке и междугородную переписку.

2. Собrania детей должны проводиться на украинском языке, исключая те случаи, когда ни докладчики, ни выступающие (педагоги) еще не владеют украинским языком.

3. Также украинский язык следует преподавать всем воспитанникам (украинский язык — обязательная дисциплина).

4. Что касается перевода всего обучения на украинский язык, создания групп с украинским и русским языками преподавания — до 1/IX сдать докладную записку, предварительно обсужденную педсоветом.

Об исполнении этого уведомить Главсоцвос 15/VIII, приложив для уведомления копии приказов, ордеров и т.п. »²⁵

Эти предписания Макаренко не выполнил²⁶, и поэтому Быковец в письме от 29 августа 1924 г. еще раз настоятельно напомнил Макаренко о его обязанностях. Текст этого письма, в котором предупреждается также и о последствиях невыполнения предписаний, гласит :

« На основании приказа Наркомпроса № 45 (§ 1, п. 4) от 16 августа с.г. о переводе всего делопроизводства НКП на украинский язык, Охрана детства вторично приказывает вести делопроизводство колонии, переписку, докладные записки, дневники, характеристики, ордера, сводки и т.п. на украинском языке.

Ведомости, которые находятся в распоряжении Охраны детства, свидетельствуют, что предшествующее распоряжение от 2/VIII № 16843 до сих пор не исполняется в полной мере. В особенности до сих пор еще по-

ступают в НКП письма на русском языке, не говоря уже о внутреннем колониальском ведении дел.

Охрана детства просит Вас предупредить сотрудников колонии (педагогов, делопроизводителей, секретарей), что с 1/IX сотрудники, не выполнившие декрета СНК и ВУЦИК, а также соответственных распоряжений НКП, будут уволены и списки будут опубликованы в прессе.

Для изучения украинского языка и перехода на него было дано 13 месяцев – времени достаточно, и дальнейших отсрочек не будет.

Охрана детства предлагает огласить эту информацию приказом по колонии и послать копию его в НКП вместе с контрольными копиями приказов, сводок, записей в дневниках, квитанций от 30 (тридцатого) августа.

Копии должны быть аутентичными, с ошибками и описками, что и в оригинале, а также с указанием имени того, кто их переписывал и кто делал с них копии. »²⁷

На сделанное ему « предложение » послать начальству « контрольные копии » всех внутренних документов колонии от 30 августа Макаренко, очевидно, не согласился – во всяком случае соответствующее дело ничего подобного не содержит. Однако Макаренко был вынужден вести переписку с Наркомпросом на украинском языке²⁸.

Первым делом он должен был, как обычно в начале нового учебного года, составить подробный список сотрудников колонии им. Горького, кроме того он написал вышеупомянутую анкету, в которой впервые назвал себя украинцем. Некоторое время Макаренко продолжал составлять подобные документы на украинском языке, по меньшей мере до конца 1924 г.

Из этих, написанных от руки на украинском языке, писем, оставленных до сих пор макаренковедом без внимания и поэтому не включенных ни в одно издание произведений А. С. Макаренко, следует упомянуть, прежде всего, одно – также и с точки зрения содержания. В этом письме, написанном в начале октября 1924 г., на упрек Быковца в том, что в колонии им. Горького сотрудников больше, чем ей положено на штату, Макаренко отвечает, что, т.к. колония размещается в двух местах, на некоторых должностях необходимо занять « вторых служащих ». Но этого можно избежать, если перевести « 1 колонию » в бывшее имение Трепке, однако это следует сделать срочно, еще « до морозов »²⁹. Быковец присвоил себе предложение Макаренко³⁰ и таким образом способствовал тому, что « горьковцы » уже в середине ноября 1924 г. смогли переехать во « 2 колонию ».

До сих пор не известно ни одного письма, отчета и т.п. колонии им. Горького, написанных Макаренко в должности « завкола » в первой половине 1925 года в адрес « главсоцвоса » или других служебных инстанций Харькова. Однако 8 августа 1925 г. – ободренный, очевидно, только что полученным первым письмом Максима Горького из Италии – Макаренко составил своему начальству подробную докладную записку, в которой он предлагает более широкий, чем ранее, проект отказа от первоначального местонахождения колонии : перевести колонию им. Горького под Харьков, который в то время был столицей Украины, и сделать ее крупным, основанным на производительном труде, центральным (общеукраинским) учреждением

для перевоспитания малолетних правонарушителей. Данный документ был написан на русском языке³¹.

Это, однако, не помешало Быковцу — резолюция на первом листе и подчеркнутые места в тексте, сделанные его рукой, свидетельствуют, что он с этой докладной запиской ознакомился и передал ее на дальнейшее рассмотрение (затем этот документ, между прочим, прочитала и Г. Салько, будущая жена Макаренко, которая в то время, как и Быковец, была главным инспектором Охраны детства) — сразу же после инспекции колонии им. Горького опубликовать в украинской газете *Народній учитель* весьма положительную оценку жизни в данном воспитательном учреждении и упомянуть при этом также и жалобы Макаренко на « бюрократизм Наркомпроса »³².

В Куряже колония им. Горького — после того, как она почти четыре года находилась в ведении Наркомпроса — была вновь передана на содержание местного бюджета (на этот раз Харьковского округа). И со столичным начальством Макаренко переписывался на русском языке. Так как он позже стал заведовать коммунной им. Дзержинского — учреждением, подчинявшимся скорее общесоюзному (т.е. « русскому ») ГПУ, — это освободило его, очевидно, от обязанности составлять официальные материалы на украинском языке³³.

4

Таким образом, на Украине политика украинизации неуклонно проводилась и во второй половине 20-х годов. Русскоязычные книги издавались все реже и реже, периодические издания либо постепенно перестраивались — как, например, специальные журналы, которые все больше и больше помещали материалов на украинском языке и в конце концов украинизировали также и название, — либо вдруг стали выходить на украинском языке — такие газеты, как центральные органы комсомола (2 декабря 1925 г.) и компартии (1 июля 1926 г.). Этим объясняется и тот факт, что в данный период работы Макаренко вышли на украинском языке³⁴.

Его собственное критическое отношение к украинизации и, в частности, к переходу на преподавание на украинском языке явствует из двух писем к Горькому. 16 июня 1926 г. (т.е. уже в Куряже) Макаренко извиняется за « шершавые письма » его новых « хлопцев » — « плоды обучения на 'родном' языке », и в письме от 14 марта 1927 г. говорится : « [...] трудно переучивать наших запущенных ребят, а кроме того, режет нас украинизация : хлопцы городские, по-украински никогда не говорили, сейчас вокруг них, даже в селе, все говорят по-русски, читают книги исключительно русские, а учатся исключительно 'на родном языке'. »³⁵ Об этом свидетельствует также и замечание в « Марше тридцатого года », где он пишет о трудностях « более или менее удовлетворительно изложить на нашем русско-украинском языке (результат перехода из русской школы в украинскую и обратно) существо дела »³⁶.

Когда позднее, в 1936 г., после выхода в свет *Педагогической поэмы*, один из слушателей спросил Макаренко во время его доклада в Москве : « На каком языке вы говорили в колонии, и почему книга написана по-русски ? », он дал уклончивый ответ (а так как это высказывание в Совет-

ском Союзе до сих пор не было опубликовано, я хочу привести ответ Макаренко из стенограммы без сокращений) :

« Это, конечно, грех. Конечно, были у нас украинцы, и школа у нас была украинская, но как-то так получилось, что говорили больше по-русски. И ребята в школе занимались по-украински, а в домашней обстановке говорили наполовину по-украински, наполовину по-русски и в некоторой части — на блатном языке.

Я стоял на точке зрения украинизации, но потом прибавлялось нам больше и больше городских людей. Когда колония получила известность, к нам стали присылать ребят из Харькова, Одессы и т.д. Это уже такие ребята, у которых ничего от украинского языка не осталось. Коммуна им. Дзержинского работает по-русски, потому что ребята там все городские и говорят на русском языке. »³⁷

О чем здесь говорит Макаренко, оглядываясь на прошлое, — в какой-то степени оправдываясь и к тому же не совсем ясно выражаясь — становится понятным из источников, которыми мы располагаем. Так, в отчете, датированном октябрём 1927 г., говорится, что в школе колонии им. Горького, которая прежде была украинской, преподавание ведется теперь по-русски, хотя 41,77 % воспитанников — украинцы. « Линия на русификацию колонии » недвусмысленно характеризуется здесь как « абсолютно неверная »³⁸.

Эта несомненно проводимая Макаренко « деукраинизация » привела к тому, что колония им. Горького, вокруг которой как раз в это время он хотел объединить все детские дома Харьковского округа и сформировать из них построенный по военному образцу Первый трудкорпус Украинской ССР, в конце концов (летом 1928 г.) оказалась единственным учреждением интернатного типа, оставшимся « русским »³⁹. Наряду с известными педагогическими разногласиями (система командиров против « исполкомовской ») этот национальный аспект тоже мог сыграть определенную роль в дальнейшем развитии событий. Вспомним : когда Горький, выступивший в защиту Макаренко перед украинским правительством во время пребывания в Харькове (июль 1928 г.) и получивший от некоего « товарища Б. » (очевидно, Балицкого, председателя ГПУ Украины), обещание « не мешать » тому в его работе, узнал впоследствии об отстранении Макаренко от должности заведующего колонией им. Горького, он написал ему из Италии (8 декабря 1928 г.) : « Очень боюсь, что в это дело замешаны тенденции 'националистического' характера. »⁴⁰

По свидетельству Т. Д. Татарина, инициатива Макаренко открыть в коммуне им. Дзержинского в 1929 г. кустарно-промышленную школу, а в 1930 г. собственный рабфак объясняется его стремлением не попасть в тиски принудительной украинизации : вместо трудовой школы, где обучение велось в обязательном порядке на украинском языке, появились таким образом учебные заведения, где собранные со всех концов страны дети могли обучаться на русском языке⁴¹.

Бывшие воспитанники коммуны им. Дзержинского свидетельствуют, что Макаренко даже в разгар украинизации в начале 30-х годов всегда говорил только по-русски — за одним единственным исключением (очевидно, в

1931 г.) : после вызова к тогдашнему комиссару народного просвещения Н. А. Скрыпнику, потребовавшему от него объяснений по поводу того, почему в коммуне говорят не на том языке, на котором положено говорить, Макаренко объявил перед собравшимися коммунарами, а именно на украинском языке, что отныне в коммуне следует говорить только по-украински. После этого там примерно две недели говорили на украинском языке, нарочно слегка искусственном⁴².

Следующее столкновение Скрыпника с Макаренко произошло 23 января 1933 г. Но на этот раз речь, преимущественно, шла не о языковом вопросе, а о более принципиальном : о практиковавшейся Макаренко системе воспитания. На специально для этого созванном заседании Наркомпроса УССР Скрыпник подверг работу коммуны им. Дзержинского резкой критике. Эта речь, прочитанная, конечно, на украинском языке, опубликована в одном из современных педагогических журналов⁴³. По свидетельству Н. П. Нежинского⁴⁴, Макаренко, принимавший участие в этом заседании, не имел возможности возразить на предъявленные ему Скрыпником обвинения, т.к. он настаивал на том, чтобы говорить по-русски. Это столкновение советское макаренковедение по-прежнему, впрочем, обходит молчанием. Соответствующим образом то место в письме Горького от 10 сентября 1934 г., где — а именно в связи с рукописью второй части *Педагогической поэмы* — упоминается Скрыпник, было изъято также и из нового издания *Педагогических сочинений* А. С. Макаренко. Там говорится : « Недостаточно ясна Ваша полемика с НКПр о методах воспитания. Не звучит ли некое 'скрипниковское' в указаниях НКП на применяемую Вами 'военизацию' ? »⁴⁵

Столкновение со Скрыпником потому очевидно осталось для Макаренко без ощутимых последствий, что Скрыпник уже месяц спустя был смещен на посту руководителя Наркомпроса в связи с последовавшим тогда прекращением политики украинизации. Прямым следствием этого поворота в национальной политике было, между прочим, основание того Харьковского театра русской драмы (в мае 1933 г.), который всего лишь несколько месяцев спустя Макаренко удалось заинтересовать в шефстве над коммуной им. Дзержинского.

5

Тысяча девятьсот тридцать третий год принес Макаренко не только освобождение от оков украинизации, но и « прорыв » на писательском поприще. Воодушевленный письмом Горького из Италии (от 30 января 1933 г.) приняться за писательский труд и получая от него также и материальную поддержку, Макаренко уединился на несколько недель в доме отдыха писателей. Там он возобновил работу над *Педагогической поэмой*, первая часть которой, как известно, вскоре уже вышла в свет.

« Отводя душу » этой писательской работой в данной, также и в педагогическом смысле, сложной для него ситуации (он был теперь лишь « вторым человеком » в коммуне им. Дзержинского), Макаренко, высказывая « имперское » отношение к национальному вопросу, признает себя приверженцем России, приверженцем великой нации, в которую входят « великороссы » и « малороссы » (т.е. украинцы)⁴⁶ так, например, в критических высказыва-

ниях в пьесе *Мажор* о « типично русском », как он наблюдал это в своей — украинской! — среде на каждом шагу⁴⁷. Здесь Макаренко проявляет себя совсем как русский. В этой связи интересен один, позже изъятый, отрывок из первой части *Поэмы*, в котором он в шутку называет себя « ренегатом », т.е. ренегатом от украинства, и одновременно ставит себя на один уровень с « москвитянами », применяя при этом соответствующее, несколько пренебрежительное, высказывание украинцев в адрес русских — « москали »⁴⁸.

Указания на постоянную ориентацию Макаренко на Россию и, прежде всего, на Москву содержатся также и в его письмах из советской столицы. Из них можно заключить, что свои служебные и частные поездки туда он использует для того, чтобы духовно и эмоционально « заправиться »: он ходит в театры и музеи, а также покупает книги⁴⁹. Так что неудивительно, что проф. А. И. Попов, директор Украинского научно-исследовательского института педагогики (УНДП), в марте 1928 г. упрекает Макаренко, между прочим, в том, что он обращает внимание « преимущественно на московскую литературу », т.е. пренебрегает « нашей украинской литературой »⁵⁰.

В националистический период Макаренко несколько раз пытался бросить коммуну, а, значит, и переехать из Украины в РСФСР, чтобы возглавить там одно из воспитательных учреждений — прежде всего из-за конфликтов с правлением коммуны (состоящим из чекистов). Однажды он даже хотел взять с собой всех воспитанников и перевести коммуну им. Дзержинского в Ленинград, где в то время жил его многолетний сотрудник Поповиченко; однако это ему было запрещено украинским ГПУ (осень 1929 г.)⁵¹. И три года спустя, в связи с сообщением о предстоящем создании образцово-показательной коммуны им. Горького, опубликованном в — московских! — газетах, Макаренко возобновляет переписку с Горьким, которому он все эти три года не писал. Макаренко заявляет о своем непреклонном желании возглавить новую коммуну. При этом он также доверительно сообщил Горькому (и это, очевидно, побудило составителей его произведений из московской Академии педагогических наук « с соответствующим доверием » обойтись с данным местом из письма и не опубликовать его!): « И еще одно — мне надоела Украина, ибо я всегда был просто русским человеком. А Москву люблю. »⁵² И в феврале 1935 г. он, как известно, написал Горькому, что « после *Педагогической поэмы* он хочет написать большую, очень большую работу, серьезную книгу о советском воспитании » и в связи с этим попросить « т. Бубнова », т.е. тогдашнего наркома просвещения РСФСР, чтобы ему « дали возможность жить в Москве, поближе к книгам и к центрам мысли, и работать »⁵³. « О Москве он все время говорил, как о земле обетованной. » Это пишет К. Кононенко в своих неопубликованных воспоминаниях о Макаренко.⁵⁴

До переезда в Москву все же должно было пройти еще два года: после того, как правительство Украины в 1934 г. из Харькова опять переехало в Киев, нарком внутренних дел Балицкий, который очень ценил педагогическую деятельность Макаренко в коммуне им. Дзержинского, перевел его работать в только что созданном отделе трудколоний НКВД УССР (июнь 1935 г.). Само собой разумеется, в Киеве Макаренко вошел в состав русской секции Союза советских писателей Украины⁵⁵.

6

В годы жизни в Киеве, а также и в Москве, как в своих публицистических работах, так и в многочисленных докладах, Макаренко старался не сообщать сведений о своем географическом происхождении и национальности. Как правило, он ограничивался общими высказываниями — такими, как : « в том захолустье, где прошла моя молодость » (« Максим Горький в моей жизни »), или умышленно подчеркивал свое социальное происхождение : что он якобы происходит из рабочей среды, либо что он вырос в этой среде — так, например, в статье « Выбор профессии », а также и в ответах на соответствующие вопросы слушателей докладов о его биографии.

Л. Пеха с полным основанием указал на то, что в повести « Честь », где, как известно, изображена та дореволюционная среда, в которой жили Антон Макаренко и его брат Виталий, « действие происходит, так сказать, в России, об Украине и украинцах там и речи нет »⁵⁶. То же самое относится, впрочем, и к ответу Макаренко в адрес критика К. Малахова, обвинившего его в связи с этой повестью в фальсификации русской истории, а также в « амнистировании шовинизма »⁵⁷.

Все же однажды Макаренко публично признался в своем украинском, а, значит, как он, очевидно, чувствовал, и провинциальном происхождении. Он сказал это в своем докладе в аудитории Московского университета 1 марта 1939 г., т.е. месяц спустя после того, как был награжден за заслуги в развитии советской литературы орденом Трудового красного знамени, и две недели спустя после подачи вышеупомянутого заявления о вступлении в партию — и, как мы помним, назвав себя украинцем перед своими московскими коллегами-писателями. Макаренко говорил тогда, кроме прочего, о « типе москвича », который был для него воплощением открытого миру, уверенного в себе и решительного человека. В связи с тем, что в свое время, два года назад, только что приехав в Москву, Макаренко чувствовал себя неуверенно на улицах столицы, он с иронией и в то же время с кокетством назвал себя в этом докладе « провинциалом, да еще хохлом, украинцем »⁵⁸. (В этом же докладе есть, между прочим, и импульсивное, крайне критическое замечание о « типично русском », а именно — в связи с рассказом о том, что он будто бы учил своих воспитанников — т.е. на Украине ! —, как не следует пить. И здесь Макаренко опять становится настоящим русским : « А вот наше российское дело : где-нибудь в переулке перевернуть литр, упасть и тут же заснуть у парадного крыльца. »⁵⁹

Похожее сопоставление москвичей и украинцев Макаренко внес в свою записную книжку еще раньше (в сентябре 1933 г.), озаглавив его *Слово*. Вот этот услышанный им, очевидно, на Украине анекдот, который высмеивает неповоротливость украинцев, т.е. провинциалов : « В Москве народ более дрессированный и живой. Москвич действительно успевает 'выпорхнуть' из-под авто. А украинец, попавший под авто, еще 'роздывляется, чи це его давить, чи другого. А колы вже роздывиться, то вже поздно'. »⁶⁰

Сокурсник Макаренко по Полтавскому учительскому институту А. Н. Ведмицкий пишет в своих воспоминаниях о том времени, что Макаренко вместе со многими другими «воспитанниками» института, а также с «демократической общественностью Полтавы» подписался под «письмом социал-демократической фракции в государственной Думе с просьбой поставить вопрос о разрешении издания газет на украинском языке, о преподавании в начальных школах Украины на родном языке»⁶¹.

Эта инициатива не исходила, однако, от представителей одной из двух социал-демократических фракций IV Думы (меньшевистской фракции «семерных» и большевистской фракции «пятерых»), а принадлежала духовному лицу, епископу Никону, который внес на рассмотрение Думы соответствующий законопроект. В упомянутом Ведмицким письме речь, очевидно, шла о резолюции группы членов Думы — украинцев и защищавших их интересы неукраинцев, — которые настоятельно утверждали, что они не являются «ни социал-демократами, ни конституционалистами-демократами».

Эта, подписанная также и Макаренко, резолюция содержит, между прочим, и осуждение украинского национализма в образе сепаратистского «мазепинского», т.е. направленного против «москвитян» движения, которое, по мнению авторов этого документа, «следует объявить государственно-преступным и подавлять его всемерно»⁶².

Такая позиция была привита А. С. Макаренко несомненно в родительском доме. Его брат Виталий изображает их отца ярким противником всего украинского: «Украинцев всех мастей он ненавидел люто, называл их не иначе как 'мазепы, куркули проклятые'»⁶³.

В. Н. Тарасов, бывший в свое время преподавателем истории в Полтавском учительском институте, подтверждает существование разногласий между Макаренко и сепаратистами (самостийниками) из числа его сокурсников — он был «наиболее эрудированным принципиальным их противником»⁶⁴. И его брат Виталий сообщает о подобных дискуссиях, происходивших раньше, еще в Крюкове, с врачом Димарой, который «злобно ненавидел Россию и все русское», — «идеологический враг Антона»⁶⁵. Однажды «на одном пикнике, после горячего спора», Антон набросился на него со словами: «Ваша Украина никогда не существовала как суверенное государство, у вас нет истории, а если есть, то она вмещается на полустранице. Вся ваша культура — это ваш Шевченко, который не переведен ни на один иностранный язык, да и в России почти никто его не читает...»⁶⁶ В. С. Макаренко свидетельствует, кроме того, о предупреждениях своего брата по отношению к украинскому историку Грушевскому, «над которым он зло издевался (как и над всеми украинскими 'самостийниками')»⁶⁷.

Конфликты с националистами возникали у Макаренко еще и в период форсированной украинизации. Е. С. Магура, который с 1932 г. преподавал на рабфаке коммуны им. Дзержинского украинский язык, сказал в беседе с Л. Пехой, что у Макаренко — перед тем как ему удалось привлечь к этой деятельности его, русского, — «были такие трудности с преподавателями

украинского языка, так как они были настоящими националистами » ; всех их ему пришлось уволить⁶⁸.

Свое литературное отражение эти столкновения нашли, как известно, в *Педагогической поэме* в образе украинского националиста Дерюченко : « Он 'не знал' русского языка, украсил все помещение колонии дешевыми портретами Шевченко и немедленно приступил к единственному делу, на которое был способен, — к пению 'украинских писэнь' » и т.д. Явно не случайно это изображено в первой части *Поэмы*, которую Макаренко писал в 1933 г., непосредственно после прекращения политики украинизации. Эта довольно злобная карикатура на « культ Шевченко » публикуется, разумеется, с 1937 г. лишь в сильно сокращенном варианте, но в *Педагогических сочинениях* А. С. Макаренко (т. 3) соответствующий отрывок, по крайней мере, все же был включен в приложение⁶⁹.

Первая часть *Поэмы* содержала, кроме того, еще и другие оскорбительные высказывания об украинцах, которые были либо смягчены, либо изъяты редактором вышедшего в 1934 г. книжного издания. Имеются в виду неодобряемые после свержения царизма слова « малоросс » (бывшее официальное название украинцев) и « хохол » (соответствующее ругательство русских в адрес украинцев, а также язвительное выражение « в национальном стиле » для характеристики общения Калины Ивановича с Шере⁷⁰.

8

Уже в одной из первых рецензий на *Педагогическую поэму* обращалось внимание на умелое применение « колорита украинского языка » в диалогах⁷¹. Также и Н. А. Морозова подчеркивала в своем исследовании « О некоторых особенностях языка и стиля *Педагогической поэмы* А. С. Макаренко » (1954 г.) :

« Употребление украинизмов вполне оправдано. Колония находилась на Украине, в числе колонистов были украинцы по национальности, коллектив находился в тесном общении с местным населением. Автор использует лексику, фразеологию и отдельные грамматические формы украинского языка. Включает в язык *Поэмы* украинские песни, пословицы, поговорки. Украинизмы употребляются автором как средство создания местного колорита, в основном, при характеристике персонажей. »⁷²

Морозова ссылалась при этом на язык диалогов, а также на отдельные, обозначенные автором кавычками, цитаты — то есть и оптически выделенный и поэтому легко распознаваемый языковой материал.

Еще дальше идет Н. А. Вакуленко в своем докладе об украинизмах в *Педагогической поэме* на Полтавской конференции, посвященной А. С. Макаренко (в декабре 1986 г.) ; правда, до сих пор я располагаю только опубликованными тезисами этой конференции. Во вступлении там говорится : « А. С. Макаренко ценил богатство двух братских языков, их выразительные возможности и умело применял языковые ресурсы всех уровней как изобразительное средство. »⁷³ Вакуленко, вычлняя в языке *Поэмы* фонетические, морфологические, лексические, словообразовательные, синтаксические и

фразеологические украинизмы, заявляет в тезисах своего доклада, что отдельные украинизмы вошли в язык рассказчика, и показывает в этой связи, что один из них — *хлопцы*, для обозначения воспитанников колонии им. Горького — можно обнаружить также и в официальных документах, написанных рукой Макаренко. То же самое относится, я хотел бы добавить, и к существительному *селянство*, а прежде всего — к прилагательному *колонийский* (от укр. *колонійський*) вместо *колонистский* или соответствующей субстантивной конструкции; эту форму *колонийский* Макаренко, как известно, употреблял также и в других — неофициальных — текстах.

Таких, обусловленных средой, украинизмов, вошедших в язык рассказчика, первоначально в *Поэме* — в авторской машинописи, а частично также и в первых печатных вариантах — все же было больше. Московские редакторы заменили их соответствующими русскими выражениями или формами, хотя и не во всех случаях адекватными. Так как три части этого произведения выходили постепенно, то и замена эта получилась неоднородной. Так, например, уже упоминавшаяся форма прилагательного *колонийский* в первом книжном издании части I была соответствующим образом русифицирована (и данные места в таком виде сохранились и по сей день)⁷⁴, в то время как в двух остальных частях эта форма осталась без изменения. Другой пример редакционного вмешательства — изъятие употребляемых Макаренко также и в языке рассказчика падежных форм фамилий, оканчивающихся на *-о*. Показательно, что большинство этих, обусловленных средой, украинизмов, не включенных сегодня в текст *Поэмы*, содержится в 2-9 главах первой части, написанных еще в Куряже. Вот несколько лексических, морфологических, словообразовательных и синтаксических примеров (в той очередности, в какой они встречаются в *Поэме*)⁷⁵:

1. представлял *собой* конгломерат — изменено на : представлял *собой* конгломерат ;
2. *вытрушивание* ятерей (от укр. *витрушивати*) — *опустошение* ятерей ;
3. с *проваленным* черепом (от укр. *провалювати*) — с *разбитым* черепом ;
4. ожидали новых *подорожных* (от укр. *подорожний*) — ожидали новых *путников* ;
5. *рушает* к дверям (от укр. *рушати*) — *направляется* к дверям ;
6. *таки* (укр. *такі*) — *все-таки* ;
7. *перетянуть...* пса (от укр. *перетянути*) — *вытянуть...* пса ;
8. ответили *реготом* (от укр. *регит*) [неизменено] ;
9. сколько мы... *не* обивали порогов (укр. ... *не...*) — сколько мы... *ни* обивали порогов ;
10. очень *непереборчив* (от укр. *неперебірчивий*) — очень *неразборчив* ;
11. *большую* частью — *большой* частью ;
12. *на штанах* которого прицепились соломинки — *к штанам...* ;
13. *понаходили* лошадей (от укр. *понаходити*) — *нашли* лошадей ;
14. ходили из спальни в спальню, *ныкали* по темным углам двора (от укр. *никати*) — ходили из спальни в спальню, по темным углам двора ;
15. *обсеяны* (от укр. *обсіяти*) — *засеяны* ;
16. гвозди... с исковерканными *головами* (от укр. *голова*) — гвозди... с исковерканными *шляпками* ;
17. домашний арест за *нанесение* грязи в помещение — ... за *принос...*

В этой связи следует назвать также и несколько, обусловленных украинским языком, регионализмов, которые в большинстве своем все же не были изменены редакторами — напр. : *житный* (см. укр. *житній*) вместо

ржаной в словосочетаниях *житная мука, житный хлеб*⁷⁶, *заможный* (см. укр. *заможний*) вместо *состоятельный, шлях* (укр. *шлях*) вместо *дорога*, а также словообразование *беспризорщина* вместо *беспризорность*.

Отдельные, обусловленные средой, украинизмы содержатся также и в других текстах А. С. Макаренко. Показательно, что они присутствуют прежде всего в материалах, написанных в колонии им. Горького, т.е. среди говорящего на украинском языке крестьянского населения. Наряду с формами типа *собою* вместо *собой* и окончаниями фамилий на *-о* это относится также и к лексике. Вот несколько таких примеров (в хронологическом порядке) :

1. *шибка* (от укр. *шибка*) вместо *стекло* ; 2. *жинка* (от укр. *жінка*) вместо *жена* ; 3. *лист* (от укр. *лист*) вместо *письмо* ; 4. *побалакать* (от укр. *побалакати*) вместо *разговаривать* ; 5. *таким чином* (от укр. *такім чином*) вместо *таким образом* ; 6. *навпаки* (от укр. *навпаки*) вместо *наоборот, напротив* ; 7. *шахрайство* (укр. *шахрайство*) вместо *мошенничество* ; 8. *троячка* (укр. *троячка*) вместо *трешка*⁷⁷.

9

И последнее : насколько достоверно свидетельство бывших воспитанников Макаренко о том, что он хорошо, даже очень хорошо владел украинским языком ?

Можно лишь с относительной уверенностью ответить на этот вопрос. Причина : существует слишком мало аутентичного текстового материала. В украинскоязычных публикациях 1925-1932 г.г. дело в том, что они, как правило, были написаны автором по-русски и впоследствии переведены сотрудниками издательства или редакции на украинский язык⁷⁸. Вопрос о переписке Макаренко во время « украинизации » колонии им. Горького в конечном счете остается открытым — были ли все эти документы написаны им самим, без посторонней помощи.

Это относится также и к довольно подробному отчету о положении в колонии им. Горького, который датирован 1 января 1925 г. и написан в адрес ЦК Союза работников просвещения Украины (Робос)⁷⁹. Данный документ, который макаренковедение до сих пор оставило без внимания, связан с ходатайством Макаренко перед этим профсоюзом о шефстве над колонией. Тот довольно объемистый документ, написанный рукой Макаренко (7 листов, исписанных с обеих сторон), является хорошим материалом для языкового исследования⁸⁰.

Наряду с отдельными взятыми в кавычки русскими словами в этом документе — если не принимать во внимание довольно многочисленные орфографические ошибки — содержится также и несколько русицизмов, прежде всего лексических. Вот перечень этих русицизмов :

1. *жилий будинок, жилий дом* (л. 1 об. ; от рус. *жилое здание, жилой дом*) вместо *житловий будинок* ; 2. *пол* (л. 1 об. ; рус. *пол*) вместо *підлога* ; 3. *печ* (л. 1 об. ; от рус. *печь*) вместо *піч* ; 4. *отряд* (л. 1 об. ; рус. *отряд*) вместо *загін* ; 5. *оборудовати, оборудовання* (лл. 1 об., 2, 5 об., 6 об. ; от рус. *оборудовать, оборудование*) вместо *оснащувати,*

оснащення ; 6. збереження (л. 1 об. ; от рус. *сбережения*) вместо *заощадження* ; 7. рубель (л. 1 об. ; от рус. *рубль*) вместо *карбованець* ; 8. усадьба (л. 2 ; рус. *усадьба*) вместо *маеток* ; 9. договір (л. 2 ; рус. *договор*) вместо *договір* ; 10. комбініровання (л. 3 ; от рус. *комбинирование*) вместо *комбінація* ; 11. наказання (л. 3 об. ; от рус. *наказание*) вместо *покарання, кара* ; 12. способний (л. 3 об. ; от рус. *способный*) вместо *здібний* ; 13. рабфак, рабфаковець (л. 3 об. ; рус. *рабфак, рабфаковець*) вместо *робфак, робфаківець* ; 14. піддержувати (л. 3 об. ; от рус. *поддерживать*) вместо *підтримувати* ; 15. сівооборот (л. 4 об. ; от рус. *севооборот*) вместо *сівозміна* ; 16. животноводство (лл. 4 об., 5 ; от рус. *животноводство*) вместо *тваринництво* ; 17. не хватало (л. 4 об. ; рус. *не хватало*) вместо *не вистачало* ; 18. вивести (л. 5 ; рус. *вывести*) вместо *розвести* ; 19. гусь (л. 5 ; рус. *гусь*) вместо *гуска* ; 20. полсотні (л. 5 ; рус. *полсотни*) вместо *півсотні* ; 21. овця (л. 5 ; от рус. *овца*) вместо *вівця* ; 22. не вигідно (л. 5 ; рус. *невыгодно*) вместо *невигідно* ; 23. сіялка (л. 5 ; от рус. *сеялка*) вместо *сівалка* ; 24. зводить до ітигу (л. 5 ; см. рус. *подвести итог*) вместо *підбивати підсумок* ; 25. нарастання капіталу (л. 5 ; от рус. *нарастание капитала*) вместо *приріст капіталу* ; 26. недостаток (л. 5 об. ; рус. *недостаток*) вместо *недостача* ; 27. по розчоту на (л. 5 об. ; см. рус. *в расчете на*) вместо *з розрахунку на* ; 28. кровать (л. 6 ; рус. *кровать*) вместо *ліжко* ; 29. вложення капіталу (л. 6 об. ; от рус. *вложение капитала* < следует : *вкладывание капитала, капиталовложение* >) вместо *вкладення капіталу, капіталовкладення* ; 30. забронировання (л. 6 об. ; от рус. *забронировать*) вместо *гарантування* ; 31. двинутися вперед (л. 6 об. ; от рус. *двинуться вперед*) вместо *рухатися вперед*.

Кажется, что это очень много, однако в сравнении с объемом исследованного здесь текста, русицизмов в нем все-таки довольно мало, кроме того, большинство из них является обозначениями предметов обихода, жилых помещений, событий, которые было тесно связаны с жизнью и деятельностью колонии и назывались там по-русски.

Это исследование позволяет сделать вывод, что Макаренко к тому времени овладел украинским языком в соответствующей его способностям и образованию степени.

В заключение следует сказать, что Макаренко, несмотря на свое украинское происхождение, всегда считал себя русским и в духовном плане ориентировался на Москву. Но в 1924 г., во время форсированной украинизации всех областей общественной жизни в УССР, очевидно, чтобы не потерять должность заведующего одного из центральных учреждений, подчинявшихся непосредственно украинскому правительству, он — имея в виду судьбу своего почитаемого учителя Волнина — все же в официальном документе назвал себя украинцем. Этого своего решения он не изменил и в дальнейшем⁸¹.

1. Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, отдел рукописей. Москва, ф. 114, оп. 1, д. 5, л. 1.
2. Там же, л. 5 ; публикация в : А. С. Макаренко, *Педагогические сочинения в 8-ми томах* (далее ссылки на него как на : *Пед. соч.*), Москва, 1986, 8, с. 128.
3. Центральный гос. архив Октябрьской революции и социалистического строительства УССР, Киев (ссылки как на : ЦГАОР), ф. 166, оп. 4, ед. хр. 937, л. 46.
4. Там же, ф. 166, оп. 2, ед. хр. 1687, л. 94.
5. В. Макаренко, *Мой брат Антон Семенович*, Марбург, 1985, с. 79.
6. См. доклад Н. Н. Оксы, на 2-ом Марбургском совещании, посвященном актуальным направлениям макаренковедения (май 1986 г.).
7. См. Центральный гос. архив литературы и искусства СССР, Москва (ссылки как на : ЦГАЛИ), ф. 332, оп. 4, ед. хр. 374.
8. L. Pecha, *Biografické činitele formování tvořivé pedagogické osobnosti (s použitím analýzy osobnosti A. S. Makarenka)*, Praha, 1985, с. 57.
9. В. Макаренко, *указ. соч.*, с. 155.
10. Это для нас сегодня привычное ударение было подтверждено также и В. С. и О. В. Макаренко.
11. В. Макаренко, *указ. соч.*, сс. 33-34.
12. А. К. Волнин, « Антон Семенович Макаренко в учительском институте », *Учебно-воспитательная работа в детских домах*, 2-3, 1941, сс. 117-124 (здесь : с. 123). С другой стороны, в этой связи следует также упомянуть, что в текстах, впервые опубликованных в новом, восьмитомном издании *Пед. соч.* (Москва, 1983-1986), редакционное вмешательство в большинстве случаев потому было необходимо – как заявил один из составителей автору, – что Макаренко, будучи украинцем, недостаточно хорошо владеет русским языком.
13. В. Макаренко, *указ. соч.*, с. 155.
14. « Журнал заседаний делегатского губернского учительского съезда в г. Полтаве », *Педагогический журнал*, 4-6, 1917, сс. 72-86 ; « Постанови делегатського губерньського вчительського з'їзду в Полтаві 25-28 травня 1917 року », там же, сс. 87-91.
15. Центральный гос. исторический архив УССР, Киев, ф. 707, оп. 311, ед. хр. 6, лл. 3, 12. Кроме Волнина было уволено также три преподавателя, по национальности русских : Лысогорский, Шестаков, Квятковский (там же, л. 19).
- Об обстоятельствах окончания своей карьеры в Полтаве Волнин пишет в неопубликованном отрывке воспоминаний : « В 1917 г., после февральской революции, слушатели института прислали почтой 'прохання в педагогічну раду Полтавського учительського інституту'. В ней они возбуждали вопрос 'об українізації Полтавського учительського інституту с наступного учебного року позмозі повно'. Для нас, как русских уроженцев, не владевших 'української мовой', это означало, что мы не можем продолжать работу в украинизованном институте и должны уйти из него, что мы и сделали в скором времени, к началу нового учебного года. [...] За две последние встречи с ним [18 февраля и 29 марта 1939 г. Макаренко выступил на совещаниях учителей Ярославской железной дороги – Г. Х.] мы как-то не успели разговориться настолько, чтобы коснуться этого момента. Но я знаю из беседы А. С. с одним моим товарищем по школе, что он называл его неприятным для меня моментом в жизни, чем и на самом деле был для меня уход из Полтавы уже потому, что заставил меня распродать свое имущество и решиться на переезд с детьми в далекий Новосибирск в чрезвычайно тяжелых условиях железнодорожного передвижения в то время. » (ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 455, л. 8).
16. Факсимиле в : М. П. Ніжинський, *Життя і педагогічна діяльність А. С. Макаренка*, вид. 2-е, Київ, 1967, с. 22.

17. См. доклад М. Быблюка на 2-ом Марбургском совещании.
18. М. П. Ніжинський, *указ. соч.*, сс. 26, 37.
19. Личный архив Ф. И. Науменко, Львов.
20. Н. П. Нежинский, *А. С. Макаренко и педагогика школы*, Киев, 1976, с. 17.
21. М. П. Ніжинський, *указ. соч.*, с. 38.
22. В анкете Макаренко от сентября 1924 г. (см. прим. 3) содержатся следующие данные относительно его принадлежности к профсоюзам : « Членом какого союза зарегистрирован : Робос », « С какого времени : 1920 г. », « № членского билета : 882 ».
23. Кодекс законов о народном просвещении УССР, в : *Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Украины*, 1922, 49. Введение : основные положения, §§ 23, 25.
24. *Там же*, 1924, 29, сс. 896-900 (здесь : с. 896), 913-919 (здесь : сс. 913-914).
25. ЦГАОР, ф. 166, оп. 4, ед. хр. 912, л. 331.
26. Соответствующее дело Охраны детства сохранилось (ЦГАОР, ф. 166, оп. 4, ед. хр. 912), в нем нет никакого ответа из колонии им. Горького.
27. ЦГАОР, ф. 166, оп. 4, ед. хр. 912, л. 229.
28. Во время « украинизации » делопроизводства колонии Макаренко датировал также одно из своих любовных писем к О. П. Ракович на украинском языке : « 3 жовтня 1924 р. » (3 октября 1924 г.), *Учительська газета*, 32, 13.3., 1986, с. 4. Отдельные письма в Наркомпрос, отправленные до августа 1924 г., Макаренко, очевидно, зная о решениях Украинского правительства, уже написал на украинском языке.
29. ЦГАОР, ф. 166, оп. 4, ед. хр. 937, лл. 49-50.
30. 25.10.1924 г. Быковец представил в коллегия соцвосо Наркомпроса УССР докладную записку о реорганизации Полтавской трудовой колонии им. Горького, в которой он частично дословно заимствовал аргументацию Макаренко (ЦГАОР, ф. 166, оп. 4, ед. хр. 937, л. 57).
31. ЦГАОР, ф. 166, оп. 6, ед. хр. 1823 ; факсимиле в : *Nach Char'kov oder nach Zaporoz'je ?*, Marburg, сс. XV-XVIII ; публикация в : *Пед. соч.*, 1, сс. 40-44.
32. М. Биковець, « День в трудовій колонії. (В Полтавській трудколонії ім. М. Горького) », *Народній учитель*, 45, 1925, с. 4 ; факсимиле в : *Makarenko-Materialien, IV : Ucraina*, Marburg, 1982, сс. 7-8.
33. Хотя ГПУ было организовано на республиканском уровне, все же обиходным языком этого учреждения был русский. Также и переписка ГПУ Украины как организации, представлявшей коммуны им. Дзержинского, с Наркомпросом этой республики велась по-русски.
34. В настоящее время известны следующие публикации А. С. Макаренко из периода 1925-1932 г.г. на украинском языке : Макарен., « Через працю й самоорганізацію – до нового життя », *Робітник освіти*, 3-4, 1925, сс. 53-57 ; Н. Ф. і А. М., *На велетенському фронті. Досвід радгоспу, № 3*, Харків, 1930 ; Г. С. Салько, *Безпритульність та боротьба з нею*, Харків – Київ, 1931 ; Макаренко, « Комуна ім. Ф. Е. Дзержинського », *Комуністична освіта*, 10, 1932, сс. 135-139.
35. *Пед. соч.*, 1, сс. 234, 238. К слову « украинизация » приводится в комментарии (с. 361) следующее, весьма недостаточное, скорее маскирующее истину, примечание : « Речь идет о расширении преподавания в школах УССР на украинском языке. В колонии им. М. Горького обучение велось на русском языке. »
36. *Пед. соч.*, 2, с. 66.
37. ЦГАЛИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 871, л. 28 ; публикация : *Moskau, Oktober 1936*, Marburg, 1987, с. 49.
38. Харьковский гос. областной архив, ф. Р 858, оп. 2, ед. хр. 6, лл. 107-110 (здесь : л. 109).
39. *Вісти ВУЦВК*, 207, 1928, с. 5.
40. *Пед. соч.*, 1, с. 249.
41. Т. Д. Татаринев и Г. С. Макаренко, « Школа в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского », ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 495, лл. 12-13. (За эту ссылку благодарю С. С. Невскую).

42. В. И. Коломийцев (бывший коммунар-дзержинец) в беседе с автором. Напротив, бывший воспитанник колонии и коммуны Н. В. Назаренко переносит этот случай в своих неопубликованных воспоминаниях, вероятно ошибочно, в колонию им. Горького и датирует его « во второй половине 1927 года » (Архив лаборатории А. С. Макаренко в Марбурге).

43. М. О. Скрипник, « Дзержинська путьовка », *Політехнічна школа*, 3, 1933, сс. 20-32 ; факсимиле в : *Makarenko-Materialien*, указ. соч., IV, сс. 215-227.

44. В беседе с польским макаренковедом А. Левиным.

45. М. Горький, *Собрание сочинений*, Москва, 1956, 30, сс. 357-358 ; см. *Пед. соч.*, 1, сс. 259-260. (Горький ошибочно пишет « скрипниковское »).

46. Подобное « имперское » отношение к национальному вопросу явствует также из следующих слов московского журналиста Б. Волкова : в очерке « Марш 30 года » « под именем Соломона Борисовича Левинсона с присущей писателю мягкой южнорусской иронией изображен заведующий производством [...] С. Б. Коган », *Учительская газета*, 19, 1987, с. 3.

47. А. Гальченко, *Мажор*, Москва, 1935, например, с. 12 : « Знаете что ? К чорту. Где эти расчеты ? Модуль один насчитали ? Русская работа ! На каждом шагу русская работа ! » ; с. 23 : « Не люблю заниматься пустяками. Если его [неквалифицированного механика – Г. Х.] выгонять, то три четверти России нужно выгнать куда-нибудь подальше. » ; с. 24 : « Вы невежливы чисто по-русски. » ; с. 32 : « А почему станки стоят на дворе и упаковка сорвана ? – Почему ? Русская работа, молодой человек. – Русская ? Станки эти заграничные. – Они были заграничные, пока не перешли границы. А теперь они попали в наши лапы, и мы их переделываем на свой лад : вскрыли упаковку и оставили под открытым небом. Вот это и есть русская работа, молодой человек. Понимаете ? » ; с. 53 : « Получится полный ассортимент : головотяпство, лень, чудеса и попы. Попы определенно соответствуют. Стиль будет выдержан. – Верно, это стиль. И как он называется ? – Обыкновенно так : русский стиль. [...] Кражи тоже соответствуют : русский стиль. » ; с. 54 : « Российская ухватка в Тулу к мастерам ездить » ; с. 55 : « Александр Осипович, простите меня, старика, но такие болезни существуют только у русских. В Европе давно нет холеры, сыпного тифа, болезней роста и этих самых детских болезней. » ; с. 82 : « Хорошо, товарищ Воргунов ? – Да, это по-нашему : все горит, никаких инструментов, шипит, гремит, валится, а они руками, голыми руками. Это все-таки картина национальная. – Да ведь и вы с ними. – Да ведь и я такой же. Для нас, сволочей, пожар первое дело. » ; с. 96 : « Старый российский мерзостный быт » ; с. 102 : « Согласитесь, Петр Петрович, это новая культура. – Пожалуй, новая. Только не русская. » ; с. 113 : « [...] я сам эту российскую интеллигентщину не выношу. ». Факсимиле в : А. Макаренко, *Gesammelte Werke, Marburger Ausgabe*, 7, Ravensburg, 1976, сс. 69, 80, 81, 89, 110, 111, 112, 139, 153, 159, 170. (Эти места во всех собраниях произведений Макаренко, предпринятых АПН, исключены или сокращены).

48. А. Макаренко, *Педагогическая поэма*, [часть 1-ая], Москва, 1934, с. 218 ; факсимиле в : А. Макаренко, *Gesammelte Werke, Marburger Ausgabe*, 3, Stuttgart, 1982, с. 218 ; также в : *Пед. соч.*, 3, с. 460.

49. См., например, письмо Макаренко из Москвы О. П. Ракович от 17.2.1925 ; М. П. Ніжинський, указ. соч., с. 91.

50. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 145, л. 32.

51. А. С. Макаренко, [10], Львов, 1978, с. 136.

52. Письмо Макаренко к Горькому от 5.10.1932 г., А. С. Макаренко, *Собрание сочинений в пяти томах*, Москва, 1971, 5, с. 446.

53. *Пед. соч.*, 1, с. 264.

54. Архив лаборатории А. С. Макаренко, Марбург.

55. *Літературна газета*, 24, 1936, с. 4.

56. Л. Реца, указ. соч., с. 57.

57. *Литературный критик*, 5, 1938, сс. 151-166 ; *Правда*, 155, 1938, с. 4 ; *Литературная газета*, 37, 1938, с. 3.

58. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 186, л. 24 ; публикация : G. Hillig, *Sankt Makarenko*, Marburg, 1984, сс. 115-116. В *Пед. соч.*, 4, с. 328, опущено.

59. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 186, л. 51 ; G. Hillig, *указ. соч.*, с. 134. По не совсем понятным мне причинам при напечатании этого доклада в новом издании *Пед. соч.* шутливое замечание о происхождении Макаренко было опущено, в то время, как высказывание о пьянстве не вызвало возражений и было впервые опубликовано (4, с. 134). Последнее тем более удивительно, что во всех предыдущих изданиях произведений Макаренко, предпринятых АПН, подобные высказывания, в которых речь идет об алкоголе и алкоголизме, принципиально опускались – очевидно, в целях народного воспитания. Также и в *Педагогических сочинениях* в первые включенных текстах можно найти соответствующие изъятия. Так, например, в письме к другу от 11.1.1939 г., в котором Макаренко (живя теперь уже два года в Москве) называет себя столичным жителем : « Мы, столичные, любим, когда к нам приезжают провинциалы », – недостает следующего предложения : « Хорошо было бы с тобой за рюмкой водки поговорить о богатстве жизни. » (*Пед. соч.*, 8, с. 111 ; см. ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 263).

60. Архив лаборатории А. С. Макаренко.

61. А. Ведмицкий, « В Полтавском учительском институте. (Отрывки из воспоминаний об А. С. Макаренко) », в : *А. С. Макаренко*, 3, Львов, 1956, сс. 128-131 (здесь : с. 129).

62. См. О. Лотоцкий, *Сторінки минулого*, ч. 3, Варшава, 1934, сс. 104-105. (Указанием на этот источник я обязан проф. Г. Васковичу, Мюнхен) ; см. также : А. Лотоцкий, « Народное образование на украинском юге », *Летопись*, 10, 1916, сс. 252-268 (здесь : с. 265).

63. В. Макаренко, *указ. соч.*, с. 155.

64. В. Н. Тарасов, « В Полтавском учительском институте. (Из воспоминаний об А. С. Макаренко) », *Известия АПН РСФСР*, Москва, 38, 1952, сс. 143-150 (здесь : с. 149).

65. В. Макаренко, *указ. соч.*, с. 49.

66. *Там же*, с. 155.

67. *Там же*, с. 79.

68. Л. Реча, *указ. соч.*, с. 57.

69. *Пед. соч.*, 3, с. 460.

70. А. Макаренко, *Педагогическая поэма*, [часть 1-ая], *указ. соч.*, сс. 157, 193, 194, 204. Еще одно подобное замечание о украинцах было опущено в издании частей 1 и 2 (Москва, 1935, с. 259) : « [...] не было в них [комсомольцах паровозных мастерских – Г. Х.] ничего, напоминающего размазню деревенского черноземного разговора [...] ».

71. М. Бочачер, « Антипедагогическая поэма », *Книга и пролетарская революция*, 3, 1935, сс. 62-64 (здесь : с. 62).

72. *Вестник Ленинградского университета*, 12, 1954, сс. 87-105 (здесь : с. 94).

73. Н. А. Вакуленко, « Украинизмы в Педагогической поэме А. С. Макаренко », в кн. : *А. С. Макаренко и Полтавщина. Тезисы докладов и сообщений областной научно-практической конференции*, Полтава, 1986, сс. 125-126.

74. Например : колонистская (вместо : колонийская) жизнь, вся колонистская (колонийская) масса, наша колонистская (колонийская) бедность, колонистский (колонийский) коллектив, имущество колонии (колонийское имущество), дорога к колонии (колонийская дорога), вся общественность колонии (колонийская общественность).

75. Точные библиографические данные содержатся в следующих работах автора : G. Hillig, « A. S. Makarenko, *Pedagogičeskaja poema*. Teil 1 : Eine textologische Untersuchung », в кн. : *Studia Slavica. Beiträge zum VIII. Internationalen Slawistenkongress in Zagreb 1978*, Hrsg. v. H.-B. Harder u. B. E. Scholz, Giessen, 1981, сс. 267-315 (здесь : сс. 280-281) ; G. Hillig, « Gor'kij's Korrekturen am *Pädagogischen Poem* », в кн. : *Suche nach Identität. Isabella Rüttenauer zum 75. Geburtstag*, Hrsg. v. A. u. F. W. Busch, Oldenburg, 1984, сс. 161-196 (здесь : сс. 166-168).

76. В. С. Макаренко, которого спросили об этом регионализме, ответил в письме в Лабораторию А. С. Макаренко : « Хлеб у нас, как и во всей России, назывался : 'черный' и 'белый'. Никаких 'житных' и 'ржаных'. » В. Макаренко, *указ. соч.*, сс. 155-156.

77. Некоторые из этих украинизмов (№№ 1, 4, 5, 6) представлены в комментариях нового издания *Пед. соч.* А. С. Макаренко.

78. Это относится, несомненно, также и к вышедшей в 1931 г. брошюре *Безприкульність...*, *указ. соч.* Ф. И. Науменко, высказывающий теперь в своем докладе на 2-ом Марбургском совещании мнение, что Макаренко достаточно хорошо владел украинским языком, чтобы писать эту брошюру сразу по-украински, сначала (в своем письме автору от 16.12.1977) согласился с опубликованным автором и И. Виль тезисом, что Макаренко написал текст по-русски, который потом был переведен редактором издательства на украинский язык.

79. ЦГАОР, ф. 2717, оп. 1, ед. хр. 157, лл. 1-7.

80. Последующее языковое исследование было проведено совместно с д-р Ирене Виль (Марбург).

81. После окончания этой работы стало известно, что Макаренко также и в анкете, заполненной им в 1935 г., т.е. в начале своей деятельности в НКВД УССР, в графе « национальность » написал : украинец (Архив МВД УССР, Киев Личный отдел А. С. Макаренко).

PS. * Вышеназванное письмо Макаренко было обнаружено в 1982 г. работниками архива Октябрьской революции УССР в связи с подготовкой командировки автора в архив. Летом 1988 г. он послал экземпляр рукописи данной работы в Киев директору НИИ педагогики УССР, действительному члену АПН СССР Н. Д. Ярмаченко для рассмотрения ее и возможной публикации в журнале *Радянська школа* на украинском языке. Предполагается, что именно таким образом киевский ученый узнал о существовании этого архивного материала.

В 1989 году в № 1 (сс. 87-91) упомянутого журнала за подписью Ярмаченко появился « с незначительной литературной правкой » полный текст этого письма. О том как ему удалось узнать о существовании документа автор стыдливо умолчал...

После ознакомления с этой публикацией я проанализировал еще раз письмо Макаренко вместе с Юрием Токаревым (Горький). В ходе анализа нам удалось доказать наличие дополнительных русицизмов в данном тексте :

1. *з приводу* (л. 1 ; см. рус. *по поводу*) вместо *з нагоди* ; 2. *доклад* (л. 1 ; рус. *доклад*) вместо *доповідь* ; 3. *бивший* (лл. 1, 1 об., 7 ; рус. *бывший*) вместо *колишній* ; 4. *розхищатися* (л. 1 ; от рус. *расхищаться*) вместо *розкрадатися* ; 5. *і інші* (лл. 1, 6 об. ; см. рус. *и другие*) вместо *та інші* ; 6. *приходиться* (лл. 1,4, 4 об., 5, 6 ; от рус. *приходиться*) вместо *доводиться* ; 7. *первий* (л. 1 ; рус. *первый*) вместо *перший* ; 8. *котрий* (лл. 1, 1 об., 3, 3 об. ; рус. *который*) вместо *котрий, який* ; 9. *удаватися* (лл. 1, 2, 2 об., 3 об. ; от рус. *удаться*) вместо *вдаватися* ; 10. *тільки* (лл. 1, 1 об., 2, 3, 4, 4 об., 5 об., 6, 6 об. ; от рус. *только*) вместо *тільки* ; 11. *дальніший* (л. 1 об. ; от рус. *дальнейший*) вместо *дальший* ; 12. *ЦК ПД* (лл. 1, 1 об. ; от рус. *ЦК ПД [Центральная комиссия помощи детям]*) вместо *ЦК ДД [Центральна комісія допомоги дітям]* ; 13. *игнорувати* (л. 2 ; от рус. *игнорировать*) вместо *ігнорувати* ; 14. *трудно* (лл. 2, 3, 3 об., 4 ; рус. *трудно*) вместо *важно* ; 15. *у порядку толкування і роз-*

витку основних принципів соцвуху (л. 2 об. ; см. рус. *в порядке*) вместо у процесі... ; 16. *рішити* (л. 3 ; от рус. *решить*) вместо *вирішити* ; 17. *производний* (л. 3 ; рус. *производный*) вместо *похідний* ; 18. *отнюдь* (л. 3 ; рус. *отнюдь*) вместо у жодному разі ; 19. *задача* (л. 3 ; рус. *задача*) вместо завдання ; 20. *легче, полегчиться* (лл. 3, 4 ; см. рус. *легче*) вместо *легше, полегшиться* ; 21. *по прежнему* (л. 3 об. ; от рус. *попрежнему*) вместо як і раніше ; 22. *вмісті* (л. 3 об. ; от рус. *вместе*) вместо разом ; 23. *це тим паче* (л. 3 об. ; от рус. *тем паче*) вместо *це тим більш* ; 24. *обстоїть* (л. 4 ; рус. *обстоит*) вместо € ; 25. *теперешній* (л. 4 ; рус. *теперешний*) вместо *теперішній* ; 26. *пристроїти* (л. 4 ; от рус. *пристроить*) вместо *влаштувати* ; 27. *женитьба* (л. 4 ; рус. *женитьба*) вместо одруження ; 28. *хазяйство* (лл. 4 об., 5, 5 об., 6 ; от рус. *хозяйство*) вместо *господарство* ; 29. *участок* (лл. 4 об., 6 об. ; рус. *участок*) вместо ділянка ; 30. *десятка два, десятка три* (л. 5 ; рус. *десятка два, десятка три*) вместо *десятків два, десятків три* ; 31. *положити* (л. 5 ; от рус. *положить*) вместо *накласти* ; 32. *скільки* (л. 5 ; от рус. *сколько*) вместо *скільки* ; 33. *самий примітивний* (л. 5 об. ; рус. *самый примитивный*) вместо *найпримітивніший* ; 34. *в нашім живим і мертвим інвентарі* (л. 5 об. ; от рус. *в нашем живом и мертвом инвентаре*) вместо *в нашому живому і мертвому інвентарі* ; 35. *чотире* (л. 5 об. ; рус. *четыре*) вместо *чотири* ; 36. *по богатом причинах* (л. 5 об. ; см. рус. *по многим причинам, богатый*) вместо *з багатьох причин* ; 37. *хронический* (л. 5 об. ; рус. *хронический*) вместо *хронічний* ; 38. *головніший* (л. 6 ; от рус. *главнейший*) вместо *найголовніший* ; 39. *по параграфам* (л. 6 об. ; рус. *по параграфам*) вместо *за параграфами* ; 40. *покончити* (л. 6 об. ; от рус. *покончить*) вместо *покінчити* ; 41. *патронірування* (л. 6 об. ; от рус. *патронирование*) вместо *патронування* ; 42. *ближайший* (л. 6 об. ; рус. *ближайший*) вместо *найближчий*.

Анализ этого текста доказывает, что украинский язык не был для Макаренка языком повседневного употребления ; к тому времени (1925 г.) он овладел им в степени, соответствующей его способностям и образованию, но владел не так как родным ; о недостаточном знании украинского языка свидетельствует фраза из письма Макаренко от 6 мая 1937 г. бывшему воспитаннику А. С. Сватко, который послал ему украинские стихи : « Жаль, что у тебя лучше выходит по-украински и я мало чем могу тебе помочь. » (*Пед. соч.*, 8, с. 71).